

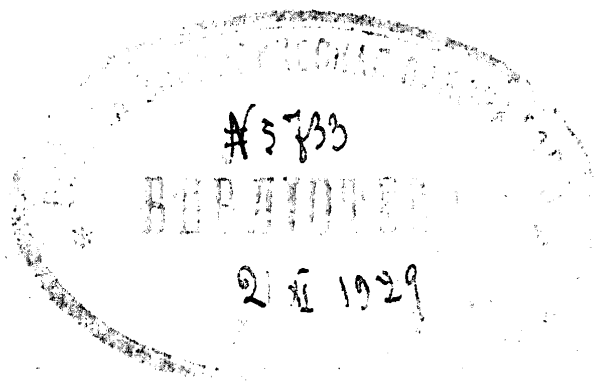
К. Тимирязев

Дарвин как наш ученый.

Краткий очерк теории Дарвина. 55

Опровергнуть ли Дарвинизм? 221

Безумная злоба антидарвинистов. 297

Т и м и р а з е ъ

Дарвинъ, какъ типъ ученаго *.

Ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, 1-го іюля 1858 года, въ засѣданіи Лондонскаго Линнеевскаго общества была получена, чрезъ посредство двухъ знаменитыхъ ученыхъ, Лайеля и Гукера, небольшая записка, занимающая въ трудахъ общества всего двѣ печатныя страницы. Авторомъ этой записки былъ ученый, уже не молодой, ему было 50 лѣтъ, и уже двадцать лѣтъ почти не покидавшій своей деревни. И на этотъ разъ онъ не счелъ нужнымъ явиться въ засѣданіе, да и самую записку свою рѣшился представить только по настоянію, почти по принужденію, своихъ друзей. Записка эта касалась сухого, техническаго вопроса „о происхожденіи видовъ“, а ученаго звали—Чарльзъ Робертъ Дарвинъ.

Прошло два года, и мысли, изложенныя на этихъ двухъ страничкахъ, облетѣли весь ученый міръ; имя Дарвина, до тѣхъ поръ уважаемое только немногими специалистами, зоологами и геологами, было въ устахъ всякаго натуралиста, хотя и произносилось съ весьма различными чувствами.

Прошло двадцать лѣтъ, и теперь едва ли найдется угловъ образованнаго міра, гдѣ бы не слышали этого имени; мало того, едва ли найдется образованный или даже полубразованный человѣкъ, который, сознательно или безсознательно, самостоятельно или по наслышѣ, не составилъ себѣ

* Публичная лекція. читанная въ Московскомъ Университетѣ 2-го апрѣля 1878.

о немъ мнѣнія, все равно лестнаго или нелестнаго, сочувственнаго или враждебнаго. Это имя и связанное съ нимъ ученіе перестало быть достояніемъ исключительно ученыхъ, оно сдѣлалось достояніемъ всѣхъ мыслящихъ людей. Серьезный ученый постоянно имѣетъ въ виду это ученіе; но и свѣтскій человѣкъ не прочь вставить въ свой разговоръ, встать или не встать, „борьбу за существованіе“ или какое другое выраженіе, заимствованное изъ современнаго ученія. Въ исторіи наукъ бывали примѣры, что за извѣстной теоріей, за извѣстной гипотезой сохранялось имя ея автора, но чтобы имя человека сдѣлалось нарицательнымъ названіемъ для цѣлаго направленія, цѣлаго отдѣла знанія—подобнаго примѣра еще не бывало, а между тѣмъ во многихъ библіографическихъ указателяхъ, рядомъ съ заголовками: зоологія, ботаника, геологія, вы встрѣтите новый—*Дарвинизмъ*. Громадная литература этой новой отрасли знанія уже и теперь едва ли подъ силу одному человѣку; наконецъ уже возникаютъ спеціальныя повременныя изданія, имѣющія исключительно цѣлю развитіе и разработку этого ученія.

Это умственное движеніе не ограничилось однимъ естествознаніемъ; оно охватило и другія области знанія: философы, историки, психологи, филологи, моралисты приняли въ немъ живое участіе. Какъ всегда случается при обсужденіи вопросовъ, представляющихъ такой всеохватывающій интересъ, въ голосу холоднаго разума присоединился и голосъ страстей. Возникла борьба, какой не запомнятъ въ лѣтописяхъ научной мысли. Въ ожесточенной схваткѣ сплелись самыя противоположныя убѣжденія, самыя разнородныя побужденія. Трезвый критическій анализъ сталкивался съ фанатическимъ поклоненіемъ; открытая, справедливая дань удивленія передъ талантомъ встрѣчалась съ худо затаенной, мелкой завистью; всеохватывающія обобщенія и напускной скептицизмъ, фактическіе доводы и метафизическія доказательства, безцеремонныя обвиненія въ шарлатанствѣ

и такія же безцеремонныя обвиненія въ скудоуміи, насмѣшки, глумленіе, восторженные возгласы и проклятія—словомъ все, что могутъ вызвать слѣпая злоба враговъ и медвѣжья услуга друзей, примѣшалось для того, чтобъ усложнить психодъ этой умственной борьбы. И среди этого смятенія, этого хаоса мнѣній и толковъ, одна личность сохраняла невозмутимое, величавое спокойствіе—это былъ самъ виновникъ этого движенія—Дарвинъ.

Какого бы взгляда не придерживаться, на чью бы сторону не стать, должно прежде всего сознаться, что размѣры этой борьбы, та страстность, которую вносятъ въ нее обѣ стороны, доказываютъ одну истину:— въ міръ брошена новая идея, затрогивающая глубокіе умственные и нравственные интересы, и цѣлое поколѣніе, а можетъ быть и не одно, будетъ ее развивать и анализировать, расширяя или ограничивая, пока не найдетъ для нея полного всесторонняго выраженія, пока не укажетъ ей границъ.

Посмотримъ же, въ чемъ заключается основная мысль этого ученія, на какую насущную потребность человѣческаго разума откликнулось оно, можно ли его считать доказаннымъ, чѣмъ объяснимъ его безпримѣрный успѣхъ, и на сколько успѣхъ ученія зависитъ отъ личности ученаго, его провозгласившаго.

Познакомимся прежде всего съ дѣятельностью этого ученаго, предшествовавшей тому засѣданію Линнеевскаго общества, когда его ученіе сдѣлалось общеизвѣстнымъ. Трудно найти жизнь, которая была бы такъ бѣдна событіями. Сынъ ученаго медика, внукъ извѣстнаго писателя, Еразма Дарвина, Чарльзъ Дарвинъ родился 12-го февраля н. с. 1809 года, пробылъ два года въ Единбургскомъ университетѣ, затѣмъ четыре въ Кембриджскомъ, гдѣ и получилъ степень бакалавра. Тотчасъ по выходѣ изъ университета, въ 1831 году, онъ отправился въ кругосвѣтное плаваніе на корабль „Бигль“. Пятилѣтнее плаваніе было для него школой, обогатившей

его громаднымъ запасомъ фактовъ и выработавшей замѣчательный талантъ наблюдателя и умѣніе угадывать, вѣрно объяснять, явленія природы. Плодомъ этого путешествія было нѣсколько спеціальныхъ изслѣдованій, отличавшихся указанными двумя свойствами, и журналъ путешествія, изданный въ двухъ томахъ и замѣчательный по простотѣ, безъискусственности и доступности изложенія; книга эта, болѣе чѣмъ спеціальныя труды, сдѣлала его имя знакомымъ всѣмъ любителямъ серіознаго чтенія. Возвратясь въ Англію, онъ женился и поселился въ деревнѣ, въ своемъ имѣніи, въ мѣстечкѣ Down, гдѣ и живетъ до настоящаго времени, почти безвыѣздно. Но спеціальныя изслѣдованія не поглощали всего досуга этой мирной, отшельнической жизни. При томъ письмѣ, которое было представлено его друзьями въ 1858 году въ Линнеевское общество, былъ приложенъ документъ, доказывавшій, что развиваемыя имъ идеи были изложены имъ со всею полнотой уже въ 1839 году, и тѣмъ не менѣе онъ счелъ возможнымъ напечатать ихъ вполнѣ только ровно черезъ двадцать лѣтъ, въ 1859. Критикамъ этого ученаго не слѣдовало бы никогда забывать, что они имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, который двадцать лѣтъ обдумываетъ свои мысли, прежде чѣмъ выпускаетъ ихъ въ печать.

Какая же была эта мысль, въ теченіе двадцати лѣтъ созрѣвавшая въ этомъ могучемъ мозгу? Какая была эта истина, которую онъ такъ тщательно и долго скрывалъ, словно опасаясь слишкомъ озадачить ею міръ?

Изученіе живыхъ существъ, растений и животныхъ приводитъ внимательнаго наблюдателя къ одному общему заключенію: всѣ эти существа, въ общей сложности, поразительно совершенны, разумѣя подъ совершенствомъ приспособленіе каждой части, каждаго органа къ его отправленію и цѣлаго организма къ средѣ его существованія.